II

С. И. НИКОЛАЕВ

ЭЛОГИУМ И ПРОПОВЕДЬ

(Проблемы изучения перевода «Adverbia moralia» С. Х. Любомирского 1730 г.)

Ни один польский поэт XVII в. не был так популярен в переходный период русской литературы, как великий коронный маршал Станислав Хераклиуш Любомирский (1642—1702) — поэт, политик, переводчик и дипломат. Ни Петр Кохановский, племянник Яна из Чернолесья, ни С. Твардовский, ни В. Коховский, ни М. К. Сарбевский, чьи произведения были известны в России в оригиналах и переложениях, не могли сравниться с ним по количеству переведенных сочинений и множеству их списков.

В 1677 г. в Посольском приказе были переведены фрагменты его панегирика «Польская Муза», посвященного Яну III Собесскому.[1] В 1730 г. с латинского языка переведены «Adverbia moralia». Очевидно, к первой четверти XVIII в. относится и перевод основного его сочинения на польском языке «Беседы Артаксеса и Эвандра». Этот перевод, сохранившийся в единственном

По композиции настоящий сборник состоит из двух разделов, продолжая тем самым традицию, сложившуюся в последних выпусках серии «XVIII век». Первый раздел полностью посвящен заглавной теме, т. е. вопросу о развитии исторического мышления в русской литературе конца XVIII—начала XIX в. Что касается раздела второго, то он по отношению к первому вовсе не занимает подчиненного положения, не представляет собою приложенных к исследованиям по заглавной проблеме «материалов и сообщений». Тема второго раздела соответствует теме серии. Это весь XVIII век, это писатели, произведения, жанры, которые формировали русскую литературу начиная с петербургского барокко и кончая сентиментализмом. Такая композиция объясняется тем, что сборники данной серии — единственное в советской науке издание, специально посвященное XVIII в. Сейчас, когда у нас и за рубежом заметно повысился интерес к первому столетию новой русской литературы, когда в этой области науки появилось много новых имен, необходима оперативная информация о вводимых в научный обиход фактах и идеях. Давать такую информацию, оценивать эти идеи и факты и призвана серия «XVIII век». — *Ред.*

[1] ЦГАДА, ф. 79, кн. 177, л. 481—485.

известном нам списке, носит название «Розмовы или беседы двух мудрых персон».[2]

В настоящее время известно 13 списков перевода «Adverbia moralia» 30—80-х годов XVIII в.[3] Для настоящей работы изучено 6 списков. Полное текстологическое исследование и публикацию перевода мы намереваемся сделать в будущем. Задача этой работы — назвать основные проблемы, связанные с изучением этого перевода.

Русский перевод «Adverbia moralia sive de virtute et fortuna libellus» («Мировулия Тассалина притчи нравоучительныи о добродетели и фортуне с латинского языка на славенский переведены 1730-го году») известен в отечественной науке давно. В 1908 г. два списка перевода и польские издания 1688 и 1691 г. указал А. И. Соболевский.[4] Однако оригинал был указан еще раньше А. Х. Востоковым, а позднее А. И. Артемьевым.[5] После А. И. Соболевского перевод долгое время не привлекал внимания исследователей. В 1955 г. Д. И. Чижевский в небольшой заметке, посвященной нашему памятнику, обратил внимание на анаграмму (Mirobulius Tassalinus — Lubomirius Stanislaus) и впервые в русистике назвал автора — С. Х. Любомирского.[6] В 1977 г. Н. Д. Численко прочла доклад об этом переводе на кафедре классической филологии филологического факультета ЛГУ.[7] Этим и ограничивается историография вопроса.

---

[2] ЦГАДА, ф. 187, оп. 1, № 99. Рукопись описана, см.: *Пушкарев Л. Н.* Обзор коллекции рукописных книг собрания ЦГАЛИ в ЦГАДА. — ТОДРЛ, т. XXVI. Л., 1971, с. 335. Оригинал и автор не указаны.

[3] ГПБ, Q.XIV.24; собр. Вяземского, Q.XXX; собр. Михайловского, Q.229; Соловецкое собр., 31/1490; Собр. СПб. Духовной академии, № 160. ГБЛ, собр. Румянцева, 280. ГИМ, собр. Уварова, № 703/607. ЦНБ УССР — 4 списка, см. шифры: *Петров Н. И.* Описание рукописных собраний, находящихся в г. Киеве. М., 1896. Вып. 2 (№ 188—191), с. 61. Библиотека Казанского университета, № 21395 (см.: *Артемьев А. И.* Описание рукописей, хранящихся в библиотеке имп. Казанского университета. СПб., 1882, с. 307—309). Библиотека Барнаульского краеведческого музея, без шифра, инв. № 2744 (см.: *Гузнер И. Н., Ситников А. А.* Библиотека Колывано-Воскресенских горных заводов XVIII в. — В кн.: Вопросы истории книжной культуры. Новосибирск, 1975, с. 37). Для настоящей работы изучены списки ГПБ и ГБЛ. Большую помощь в разыскании списков нам оказали Б. А. Градова и А. М. Панченко. Текст перевода цитируем по списку ГПБ Q.XIV.24 с указанием номера притчи и листов рукописи.

[4] *Соболевский А. И.* Из переводной литературы Петровской эпохи (Библиографические материалы). — Сб. ОРЯС, 1908, т. XXXIV, № 3, с. 26.

[5] *Востоков А. Х.* Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842, с. 400; *Артемьев А. И.* Описание рукописей... Казанского университета, с. 307. Оба указали 2-е изд. 1691 г.

[6] *Čyževśkyj D.* Zu den polnisch-russischen literarischen Beziehungen. Stanisław Herakliusz Lubomirski in russischer Übersetzung. — Zeitschrift für slavische Philologie, 1955, Bd XXIII, H. 2, S. 256—260.

[7] *Численко Н. Д.* Латинские притчи Ст. Х. Любомирского в русском переводе 1730 г. — В кн.: Тезисы докладов всесоюзной научной конфе-

«Adverbia moralia», написанные в 1666 г. и изданные в первый раз в 1688 г. под именем Миробулия Тассалина, пользовались необычайным успехом; всего было девять изданий — шесть на латинском и три на польском языке в переводе А. Х. Лапчинского (первое издание 1714 г.). Об этом произведении С. Х. Любомирского охотно писали разные исследователи, но не много, в общей сложности не более полутора десятков страниц. В основном это общие замечания об изысканной форме «Adverbia moralia». Говорилось также о том, что в этом сочинении Любомирский показал пилигрима, странствующего в лабиринте мира в поисках истины и мятущегося между добродетелью и страстями. При этом исследователи не скупились на похвалы. Ч. Хэрнас назвал «Adverbia moralia» «последним выдающимся произведением новолатинской литературы», а Э. Андьял «одним из самых глубоких и самых ценных произведений славянского барокко».[8] Однако эти вполне заслуженные и справедливые похвалы не только привлекают наше внимание к этому сочинению, но, не подкрепленные конкретным анализом, наталкивают на мысль, что вещь еще не прочтена и не исследована. Для того чтобы предложить свою, одну из возможных, интерпретацию перевода, обратимся к 1666 г., к тому времени, когда произведение было создано.[9] Конкретная ситуация, в которой были написаны «Adverbia moralia», поможет уяснить и смысл перевода.

Обратимся к началу 60-х годов XVII в. В 1662 г. кн. С. Х. Любомирский — 20-летний молодой человек, только что вернувшийся из обязательного для магнатов путешествия по Европе, обласканный французским и испанским королями, австрийским императором, принятый папой Александром VII. Он прекрасно образован, знает пять языков, поклонник Монтеня и кавалера Д. Марино, которого уже перевел на польский. Карьера начинается блестяще, но на семью вскоре обрушивается удар судьбы.

Поездка за границу, по мысли его отца Ежи Любомирского, имела не столько образовательную, сколько дипломатическую цель: сын должен был представлять интересы отца при европейских дворах. Уже тогда Е. Любомирский, крупнейший польский магнат и прославленный военачальник, пытался противопоставить себя королю. Вернувшись в июне 1662 г. в Польшу, Станислав сразу попал в водоворот политических событий. Великий коронный маршал Ежи открыто выступил против короля; приговор

ренции «Проблемы античной истории и классической филологии». Харьков, 1980, с. 190—191.

[8] *Hernas Cz.* Barok. Warszawa, 1976, s. 478; *Angyal A.* Die slavische Barockwelt. Leipzig, 1961, S. 199.

[9] 1-е издание вышло в 1688 г., 1666 г. указан самим С. Х. Любомирским в 3-м изд., которое он подготовил незадолго до смерти и издал уже под своим именем. См.: St. Lubomirii Repertorum opuscula latina, sacra et moralia. Varsaviae. A. D. 1701, p. 308. Здесь же (с. 419) раскрыта и анаграмма, содержащаяся в последних стихах всей книги.

сейма 1664 г. был суров: конфискация имущества и изгнание. Отца представлял на этом суде его старший сын Станислав. Так Станислав стал свидетелем возвышения и падения своего отца. Однако этим дело не окончилось. Маршал Ежи бежал в Силезию и под лозунгом защиты «шляхетских вольностей» начал готовить второй по силе «рокош» (бунт) в истории Польши. Бунт, начавшийся в 1666 г., в том же году и окончился. После нескольких побед над королевскими войсками Ежи Любомирский просит прощения у короля Яна Казимира, получает амнистию, но возвращается в Силезию, где и умирает в январе (по другим сведениям — в феврале) следующего года. Полной его реабилитации С. Х. Любомирский добился позднее, в 1669 г.

Судьба отца, крупного магната, вознесенного судьбой и ею же сброшенного, послужила поводом С. Х. Любомирскому, как указывали некоторые польские исследователи,[10] для написания общефилософских размышлений, щедро приправленных стоической философией.[11] Что есть человек? Как ему идти по праведному пути и где этот путь? Что бренная слава и что «постоянство» (constantia)? Следует тут же отметить, что эти темы, вообще популярные в барокко, в это время актуализировались. В наступлении и торжестве контрреформационного барокко после шведского «потопа» сыграло роль и недавнее изгнание ариан (антитринитариев) из Польши. Хотя нельзя сказать, что актуальны только эти мотивы. Ни христианский оптимизм, ни пессимизм в своих крайних проявлениях не могут быть признаны доминантой эпохи.[12]

Для своих размышлений С. Х. Любомирский избирает изысканную и изощренную форму. Вот как начинается произведение:

Ad vos loquor
O mortales!
Qui ad cognitionem conditionis
Humanae,
velut mutaturi, ad fontem Narcissi,
imo
Speculatores propriae vilitatis,
ad Speculum laboriosae miseriae animo
acceditis.
En
Primus ad vitam accessus,
Sufficiens ad mortem gradus
Est.[13]

---

[10] См.: *Morawiecki St.* Stanisław Herakliusz Lubomirski. Kilka kart z młodych lat oligarchy, 1661—1667. — In: Sprawozdanie dyrekcji gymnazjum III w Krakowie za r. 1901. Kraków, 1901, s. 7—13. *Chrzanowski J.* Stanisław Herakliusz Lubomirski (Próba wyjaśnienia sprzeczności). — Myśl narodowa, 1930, N 10, s. 150—153.

[11] Ср.: *Кланицаи Т.* Что последовало за Возрождением в истории литературы и искусства Европы. — В кн.: XVII век в мировом литературном развитии. М., 1969, с. 93—95.

[12] *Панченко А. М.* Два этапа русского барокко. — ТОДРЛ, т. XXXII, Л., 1977, с. 100.

[13] Mirobulii Tassalini Adverbia moralia. Varsaviae, 1688, p. 7.

К вам глаголю,
О смертныи!
Иже к познанию состояния человеческого,
аки пременитися имущии
при источнике наркисове,
или паче
созерцатели собственной худости,
ко зерцалу многотрудной бедности
душею приступаете. //
Се
первый к житию приступ,
довольный к смерти степень
есть.

(I, л. 3—3 об.)

Однако в определении жанра мнения исследователей разделились, вернее, они полны недомолвок.

Некоторые вовсе не затрагивают этого вопроса. Ч. Хэрнас пишет, что «трудно отнести „Adverbia" к прозе или поэзии. Несомненно, они основаны на принципах риторической прозы, но поэт создает не торжественную речь, а моралистический монолог».[14] Э. Андьял,[15] и А. А. Морозов[16] называют «Adverbia» стихотворениями, хотя Э. Андьял и оговаривается, что это «свободные стихи». Другие пишут, что Любомирский дал здесь образцы элогиального стиля.[17]

Действительно, здесь мы имеем дело с элогиумом — паралитературным жанром, популярным в XVII в., а потом забытым. Этот жанр, описываемый почти исключительно в риториках, высоко оценивался современниками.[18] Так, французский иезуит Пьер Лабе писал, что «элогиум — цвет и суть элоквенции» (с. 155), «это сила, дух, душа и суть панегирика... пятая субстанция, суть сути, цвет цветов, влага влаги, золото золота, металл металла. Чем для химиков есть золото золота, тем для элогистов элогиум: панегирик панегириков» (с. 158). Различные виды элогиумов Б. Отвиновская объединила в четыре группы: религиозные, исторические, панегирические и медитативные (с. 161). Одним из мастеров религиозных элогиумов был, например, «Буало барокко» Эмануэле Тезауро.

О метрической природе элогиума Б. Отвиновская пишет, что это «неметрическое поэтическое произведение» (с. 172). Теоре-

---

[14] *Hernas Cz.* Barok, s. 478.

[15] *Angyal A.* Die slavische Barockwelt, S. 197.

[16] *Морозов А. А.* Новые аспекты изучения славянского барокко. — Русская литература, 1973, № 3, с. 22.

[17] *Pelc J.* Obraz-słowo-znak. Wrocław, 1973, s. 200; *Морозов А. А., Софронова Л. А.* Эмблематика и ее место в искусстве барокко. — В кн.: Славянское барокко. М., 1979, с. 29.

[18] Обстоятельную работу посвятила элогиумам Б. Отвиновская, где она привлекла богатый материал из риторик XVII в. См.: *Otwinowska B.* Elogium — «flos floris, anima et essentia» poetyki siedemnastowiecznego panegiryzmu. — In: Studia z teorii i historii poezji. Wrocław, 1967, s. 148—184. Далее ссылки в тексте с указанием страницы.

тики XVII в. указывали, что элогиум — «свободная поэзия» (libera poesis, с. 154), что писать элогиум следует «наподобие стихов» (ad instar versus, с. 165), однако стихи могут быть разной величины в зависимости от требований смысла и сочетать следует стихи разной длины. Непременное требование к элогиуму — «краткий и острый стиль» (терминология В. К. Тредиаковского) и обилие консептов, хотя бы по одному на три стиха, при этом необходимо следить, чтобы один консепт вытекал из другого.

«Adverbia moralia», полностью отвечающие этим требованиям, мы относим к медитативным элогиумам. 15 рассуждений Любомирского — это 15 небольших эмблематических трактатов, где полностью соблюдена «триада» эмблемы — изображение, надпись и подпись (imago, inscriptio, subscriptio).

«Adverbia» отчетливо разделяются на две части: первые тринадцать рассуждений посвящены выяснению добродетелей: благочестие, великодушие, воздержание, милосердие, смирение и т. д., причем всегда в сопоставлении с антонимом, например: «Притча 10. 0. Смирение возносит, гордость низвергает и охуждает», «Притча 11. РАДИ. Щедролюбие хвалит, благодеяние разделяет, неблагодарствие уничижает» и т. д. Приведем пример подобного уяснения и объяснения аксиом Любомирским: «Притча первая. К или КО. Начало состояние человеческое и его слабость изъясняет и учит. . .»

Что убо есть человек?
Животное.
Бедное, неблагополучное,
безпокойное,
сметище естества, узник греха,
орудие злобы, цель фортуны.
Корабль
известен разбиения
и смерти корысть
известнейшая.
Что же есть жизнь?
Пища бедности человеческия,
губа неблагополучия и беззаконий,
пламень вожделения,
дым, воздух, ветр,
прах, сень //
и ничто же.
К чесому
убо родихомся?
Поистинне
не к злодеянию,
ниже
к пированию,
ниже
к питию,
ниже
к играм,
ниже
к роскошам,
ниже
к веселию,
ниже
к плясанию, //
ниже
к музыке,
ниже
к светлому украшению,
ниже
к собранию богатъств,
ниже
к насыщению последних,
ниже
к снабдению неблагодарных,
ниже
к победам суетным,
ниже
к времянной славе,
ниже
к протчиим тщетным,
и скоропреходящим. //
Но
к чесому убо!
Ко
доброму житию.

(I, л. 5 об.—7)

Первые 13 «Притч» — подготовка, как нам кажется, к двум заключительным, важнейшим, в которых и заключаются размышления Любомирского, связанные с событиями 1666 г.: «Притча 14. ИЗ. Фортуну з добродетелию ровняет и оныя лщение показует и учит, яко оной верити мало долженствуем», «Притча 15. СЕ. Чести суету и бедствия началников от добродетели отступивших и в чом праведная честь состоит учит». Человек, добившийся власти и «отступивший от добродетели» — «игралище Фортуны». И в XV «притче» Любомирский дает грандиозный, из 72 имен, каталог «кесарей почтенных или паче убиенных», так или иначе «избоденных, убиенных, усеченных, разтерзанных, низверженных». Таков итог размышлений Любомирского «о временной славе мира сего», это и итог его размышлений о 1666 г., о судьбе своего отца.

Таким образом, мы связываем написание «Adverbia moralia» с ситуацией переворота, шумного возвышения и столь же шумного падения «счастливца», вознесенного на колесе Фортуны и сброшенного с этого колеса.[19] И несмотря на общечеловеческий смысл этого сочинения (и ему подобных), в эпохи социальных катаклизмов и перемен актуализируется именно связь с конкретным событием.

Аналогичный пример можно найти и в истории русской поэзии XVII в. Откликом на свержение царевны Софьи и падение ее фаворитов были опять-таки «нравоучительные» «Рифмы краесогласнии о прелести суетного сего мира и буйстве, како мир другом своим, ихже прелщает вмале, зле ругается вечно», написанные в 1691 или 1692 г. Так же как и Любомирскому, переворот дал повод для рефлексии неизвестному автору этого сочинения, из которого читатель «буйство мира, яко вся, яже в нем сущая, суетна, изменна, непостоянна, скоропреходна, паче же и окаянна, удобь познати может».[20] Характерно, что и русский поэт воспользовался редкой и изысканной для своего времени формой: пятистишие (6+6+6+3) с пятым холостым стихом. Отметим и то, что в подобных спекулятивных рассуждениях конкретный повод, по которому они написаны, expressis verbis не обозначен. Это свойственно поэтике как барокко, так и классицизма.

Так мы предлагаем и русский перевод 1730 г. понимать как отклик на современные события. А события этого года давали много поводов к таким размышлениям.

---

[19] Колесо Фортуны изображено на гравюре к XIV «притче». Этот сюжет популярен в эмблематических и гадательных сочинениях. См., например, «Fortuna albo szczęście» («Фортуна или счастье») Я. Гавиньского (Kraków, 1690). Очевидно, перевод этой книги был в библиотеке кн. Д. М. Голицына. См.: Материалы для истории имп. Академии наук. СПб., 1887, т. IV, с. 180.

[20] *Панченко А. М.* Стихотворный отклик на свержение царевны Софьи. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1974. М., 1975, с. 87.

1730 г. уже начался трагически. Дворянство, съехавшееся на свадьбу Петра II, неожиданно оказалось на его похоронах — 19 января во втором часу ночи император скончался. Подобная неожиданность, внезапность смерти и наступивших событий привели к смятению умов. Современники отмечают прежде всего чувство неуверенности у всех, беспокойства, «беспамятства». Говоря словами Петра Буслаева, «в алтерацию многие пришли несколько в молчании пребыли».[21] А. С. Демин считает образ ослепшего, обеспамятевшего героя характернейшей чертой литературы этого времени.[22]

Колесо Фортуны вертелось все быстрее и быстрее: провал планов верховников, воцарение Анны Иоанновны, скорое падение (в апреле) временщиков кн. Долгоруких и появление новых фаворитов. Можно полагать, что «Adverbia» были переведены уже после стремительных событий начала года.

Кто он, герой «Притч» Любомирского? Судя по XIV и XV «притчам», это человек, находящийся в непосредственной близости к трону, оказавшийся высоко вознесенным случаем, Фортуной, которая

сего низлагает от престола,
онаго скипетром уязвляет,
сего терниєм венчает,
онаго богатствы погубляет,
сего навета ногтми терзает,
онаго златыми удавляет оковы. //
Сия ли есть временщиков слава?
Сия ли щасливцов радость?

(XIV, л. 67 об.—68)

Коликих
Из мучителей царей содела?
Из царей слугами?
Из развращенных начальников?
Из начальников последними?

(XIV, л. 69)

Если в первых 13 «притчах» преобладает «наставление» нравственное, то в двух последних — политическое. Подобных сочинений, в том числе эмблематических, много было переведено в петровскую эпоху. Почти полностью этот репертуар представлен в библиотеке кн. Д. М. Голицына, где наряду с новейшими сочинениями по политическим наукам, в основном на французском языке, находим и ряд переводных, в том числе и старопольских, произведений, проникнутых стоицизмом. Например, «Притчи эфические, егда блаженство житейское во обыкновении или в делании добродетели», «Како нам противо самих себе воздержатися»,

---

[21] Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1970, с. 393.
[22] *Демин А. С.* Русская литература второй половины XVII—начала XVIII в. М., 1977, с. 254—267.

«Разум Сенекин или лутчия решения сего философа», «Андрия Максимиана Фредра наказание нравоучителная» и др.[23]

Кн. Д. М. Голицын и его судьба для нас представляют определенный интерес как пример человека, о котором идет речь в переводе, при этом мы делаем упор на заключительные притчи. Вот некоторые его характеристики, принадлежащие иностранцам: «У него было достаточно ума, но было много и злости, тщеславие невыносимое и гордость беспримерная» (де Лирия),[24] «он красноречив, смел, предприимчив, исполнен честолюбия и хитрости, замечательно воздержен, но надменен, жесток и неумолим» (Рондо).[25] Эти характеристики совпадают не только между собой, но и сходны с тем «игралищем Фортуны», которое описывает Любомирский в XIV притче. Замечательно охарактеризовал Голицына Д. А. Корсаков: «...двулицый Янус, стоящий на рубеже двух эпох нашей цивилизации — московской и европейской. Одним лицом своим он вдумчиво глядит в былое Руси, другим — самонадеянно приветствует ее грядущее».[26] «Важный и угрюмый» (Рондо) Голицын не был, да и не хотел быть фаворитом, но «временщиком» (в значении fortunatus) он был, когда же его попытка «ухватить фортуну за власы» не удалась, он отошел от борьбы, «всю суету отринувши», произнеся известную фразу: «Трапеза была уготована, но приглашенные оказались недостойными».[27] Видно и из дальнейшей его жизни, что он хорошо знал «науку двойной жизни», которую провозглашали писатели барокко, да и сам Любомирский.[28] Из круга, о котором идет речь и которому может быть адресован перевод, нужно, конечно, исключить таких откровенных авантюристов, временщиков-фаворитов, как кн. Долгорукие.

Не следует забывать, что перед нами несомненно элитарное произведение. Переводчик, следуя за оригиналом, стремился сохранить изысканную форму, хотя рукопись, конечно, не может передать богатых возможностей типографского набора. В латинском издании используются четыре вида шрифтов, образующих

---

[23] Материалы для истории имп. Академии наук, с. 186, 188, 181.

[24] Сын отечества, 1839, т. XII, с. 108.

[25] *Рондо К.* Характеры некоторых русских вельмож. — ЧОИДР, 1861, кн. 2, отд. 4, с. 5.

[26] *Корсаков Д. А.* Из истории русских деятелей XVIII в. Казань, 1891, с. 222.

[27] Там же, с. 226.

[28] Любомирский сформулировал это следующим образом: «Я дурно жил и хорошо, пример вам подаю: Вкусил я вдосталь мира и все-таки в раю». Постулату «двойной жизни» чужды цинизм и неискренность. Например, их не следует видеть в завещании Любомирского, которое он заканчивает такими словами: «С радостью оставляю все блага земные для лицезрения в вечности бога», а перед этим «земные блага» тщательно сосчитаны: «Трижды 120 000 и 8495 злотых и 2 гроша pro moneta currenti все золотом и серебром» (*Pollak R.* Od Renesansu do Baroku. Warszawa, 1969, s. 256—257). Сенека тоже оставил огромное состояние.

то прихотливые фигуры, то совершенную форму квадрата. Кстати говоря, издание было типографским шедевром, типографской неожиданностью своего времени.[29] Гравюры были выполнены по рисункам Тильмана Гамерини (1630—1706 гг.), голландца по национальности, придворного архитектора С. Х. Любомирского, считающегося крупнейшим архитектором в Польше во второй половине XVII в. В переводе, правда, лишь в двух из просмотренных нами списков (ГПБ, Q. XIV. 24 и списке Казанского университета, № 21395) тщательно перерисованы с двукратным увеличением все 16 гравюр оригинала, в том числе и с фронтисписа.

Что можно сказать о жанре рассматриваемого произведения? Пока не удалось обнаружить каких-либо сведений о восприятии перевода на русской почве. Данными, которые обычно используются при изучении рецепции любого произведения,[30] мы не располагаем. Единственно, из чего мы можем исходить, — это только из самого факта перевода, что обрекает нашу реконструкцию восприятия на неполноту, несмотря на то что перевод, даже такой пословный, как наш, это уже интерпретация и самая прямая форма комментария. Поэтому, избегая дефинитивности, попытаемся определить направление, в котором шло изменение (если таковое было) жанра. Этот момент мы акцентируем потому, что в изучаемую, как и в предшествующую, эпоху жанр определял стиль восприятия.[31]

Необходимо сделать следующую оговорку. В данном случае положение осложняется тем, что мы не имеем генологических указаний в переводе. Например, в театральных адаптациях польских поэм XVII в. («Дафны» С. Твардовского, «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо—П. Кохановского) в петровскую эпоху указание есть уже в заглавии — «действо», «диалог», налицо была и жанровая трансформация. С переводом «Притч» сложнее. Вряд ли «притчи» указывают определенно на жанр (само такое указание было бы неопределенно). По нашему мнению, это попытка, и довольно удачная, перевода заглавия «Abverbia moralia» (дословно «нравоучительные наречия» или «присловья»). Видеть в переводе «Притч» некие русские элогиумы нет оснований и прежде всего потому, что уже теоретики XVII в. писали о том, что на национальных языках элогиумы невозможны, возможно лишь использование элогиального стиля.[32] Это подтверждается, кстати, тем, что в русской поэзии XVII в. нам известно одно стихотворение

---

[29] *Pollak R.* Od Renesansu do Baroku, s. 259, przyp. 48. Польское издание (перевод Лапчинского) выглядит гораздо беднее. Оно набрано одним шрифтом, нет в нем и гравюр.

[30] Примерный обзор их и характеристику см.: *Głowiński M.* Style odbioru. Kraków, 1977, s. 116—137.

[31] См.: *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М., 1979, с. 55—79, особенно с. 62—67.

[32] *Otwinowska B.* Elogium..., s. 172—174. Ср.: *Панченко А. М.* Протопоп Аввакум как поэт. — Известия АН СССР. Сер. лит. и яз., т. 38, 1979, № 4, с. 300, прим. 1.

с этим названием, но в греческой его форме. Это «Елогион» Симеона Полоцкого в «Орле Российском».[33] Однако это обычное панегирическое стихотворение, довольно большое (246 стихов), написанное изосиллабическими стихами и не имеющее ни одного признака элогиума. Вообще поиски жанрового соответствия «Притч» в русской поэзии того времени бесперспективны хотя бы потому, что «Притчи» затерялись бы в общей массе стихотворений, а это в свою очередь лишило бы перевод качества элитарной исключительности, к тому же никакой метрической константы в переводе не обнаруживается. В русском переводе мы имеем дело с ритмической прозой.

Представляется, что «Притчи» Любомирского воспринимались как жанр красноречия, здесь существенна и риторическая природа элогиума — «цвета и сути элоквенции». Мы считаем, что «Притчи» следует рассматривать в ряду таких жанров, как нравоучительная («совещательная») проповедь, слово, поучение.[34] Дело не только в том, что мы можем подыскать сходные слова и поучения современных авторов о добродетели. Прежде всего форма отвечает требованиям проповеди. В «Притчах» выделяется и «фема», и «экзордиум», и «наррация», и «конклюзия». В начале каждой «Притчи», кстати, обозначено, что она «учит», «хвалит», «разделяет», «показует», «изъявляет». Например: «Притча первая. К или КО. Начало состояние человеческое и его слабость изъясняет и учит, яко человек родится точию ко доброму житию». Надпись (inscriptio), с которой начинается каждая притча, следует понимать как «фему» (тему).[35] Слова data damus, открывающие XI притчу, передают «туне прияли, туне и отдаем или данное даем». Обратим внимание на перевод. Если текст, как правило, переводится пословно, то надписи — «объяснительно», пространно. Это различие ясно, например, из различия в передаче слов ad bene vivendum в притче I. В заглавии и в заключительных строках их русский адекват — «ко доброму житию». А вот как выглядят они в надписи: «человек родится на добро, не на худо».

Приведем образец «наррации» из XV «притчи»:

Но что же суть человеческии чести?
Разве сень.
Что достоинство?
Разве совершенное суетныя надежды человеческия
воздаяние,
скрытая беда,
поджога гордости,
суеты зерцало,

---

[33] Орел Российский. Творение Симеона Полоцкого. Сообщил Н. А. Смирнов. СПб., 1915, с. 14—24.

[34] В данном случае эти термины мы употребляем как взаимозаменяемые.

[35] В списке ГПБ. Q.XV.24 перевода надписей нет. Цит. по: *Артемьев А. И.* Описание рукописей... Казанского университета, с. 308—309. Из известных нам списков только в этом есть переводы надписей, список датирован 1755 г.

лествица к погибели,
ветр кичащагося духа,
виновны навету,
и негодованию свойственны //
позлащены бед
и работы узы.
Елико чести толико тяготы.
Елико достоинств толико посмешищ
фортуны
Елико престолов и возношений,
толико скорби и гаждений,
толико попечениям семен,
толико громобиениям мет,
толико к злополучению путей.
. . . . . .
Брани, раздоры, убивства, грабителства,
коварства, ядотворения, разорение уложений.
Таково наипаче есть веселие суетнаго
царствования.
Возри на римское и восточное
империум.
Обращеши (так!)
меча паче, нежели скипетра господ,
убивства паче, неже жития
собереши,
льщения паче, неже венцов
исчислиши.
Увидиши
устрашителей оных света
ныне
суетные славы и сени имена, //
поносною смертию
и убивствы
упразненна
и заглажденна
Великих иногда кесарей.
Июлия немилостиво избоденна и т. д.

(л. 71 об.—73 об.)

Далее идет «прилог», упоминавшийся каталог 72 погибших насильственной смертью императоров, королей и т. д. И, наконец, образец «конклюзии»:

Единым словом,
да совершен муж наречешися.
Ничто же злое упрямством не защищай,
всякое благое
всегда постоянством
сохраняй.

(XII, л. 59 об.—60)

Приведем очень краткое определение нравоучительной проповеди Ефрема Диаковского, автора руководства середины XVIII в. «Порядок как слагать проповеди». «Что до него (нравоучения, — *С. Н.*) в особности надлежит? 1) Чтоб оно целый текст в себе вмещало; 2) чтоб выводы ис текста один с другим связывало; 3) чтоб важность правды была в нем видима; 4) и чтоб штиль в нем был

краткий да острый». О стиле в другом месте: «В исчислении доводов» приличны «делная ясность штиля и силная его важность, которая познавается или чрез восклицания или чрез вопрошения».[36] «Краткий и острый стиль» — это как раз stylos acutos vel argutos et concisus, brevis, laconicus элогиумов.[37] Высокий стиль «Притч нравоучительных» — результат того, что они были отнесены к нравоучительному, или совещательному, роду красноречия.

Мы уже говорили, что в элогиуме сочетаются строки разной длины, а это вместе с употреблением различных шрифтов служит обозначению интонации. Графически выделенные синтаксические аналогии, факультативные анафоры создают ритм прозы, в этом принимает участие и такой вторичный стиховой признак, как нерегулярные звуковые повторы. Этот эстетический элемент в переводе выполняет важные функции. Наглядным примером может послужить, кроме цитированных фрагментов, упоминавшийся грандиозный каталог погибших цезарей, в котором ритм задается параллелизмом синтаксических конструкций, а следование тактов один за другим в одной интонации создает впечатление безысходности.

Бытование перевода в духовной среде (об этом свидетельствует изучение рукописей и его близость к жанрам красноречия) позволяет предположительно очертить тот круг, в котором перевод возник. Неизвестный переводчик принадлежал, по нашему мнению, к староцерковной партии, во главе которой некогда стояли Димитрий Ростовский и Стефан Яворский. Налицо признаки этого — творческая независимость, элитарность, эрудиция, даже идея «оправдания делами» (см. притчу X). Это клерикально-консервативное направление после смерти Петра I оживилось.

Д. М. Голицын, о котором уже упоминалось, мог быть в той или иной степени причастным к возникновению перевода. Это, во-первых, сторонник староцерковной партии. Это, во-вторых, знаток и ценитель польской литературы, в частности поэзии. Это, наконец, главный герой 1730 года, а именно 1730 годом перевод датирован во всех списках.

Такое хронологическое постоянство (ведь дата перевода в рукописной традиции очень часто утрачивается), быть может, не случайно. Многозначные аллегории притч Любомирского читатель XVIII в. продолжал соотносить с обстоятельствами воцарения Анны Иоанновны, когда была окончательно удалена от власти русская аристократия и ее глава — Д. М. Голицын.

---

[36] Цит. по: *Петров Н. И.* Иеромонах Ефрем Диаковский, киевский гомилет и проповедник второй половины XVIII в. — ТКДА, 1893, № 7, с. 460, 457.

[37] Кроме работы Б. Отвиновской, см.: *Rynduch Z.* Nauka o stylach w retorykach polskich XVII wieku. Gdańsk, 1967, s. 82—85 и др. О том, что в элогиумах следует употреблять высокий стиль, говорит и Порфирий Крайский в своем курсе риторики 1733—1734 гг. См.: *Вомперский В. П.* Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех стилей. М., 1970, с. 201.

С чисто художественной точки зрения это переводное произведение также «уместно» как раз в этот период. По стилю «Притчи» Любомирского — реликт вкусов и эстетических пристрастий полонофильской партии конца XVII в.

Случайно получилось так, что время перевода совпадает с условной границей древней и новой литературы. «Притчи», с одной стороны, и «Езда в остров Любви» — с другой (единственное художественное сочинение, напечатанное в 1730 г.), символически обозначают эту границу. Оба барочных сочинения, созданных в одно время («Притчи» в 1666 г., а роман П. Тальмана в 1663 г.), были переведены с большим опозданием. Противостояние этих переводов на русской почве очевидно, начиная от культурной ориентации (консервативное полонофильство и ориентация на страны Западной Европы). Достаточно напомнить, что Тирсис «поехал в одну землю, которая называется Роскошь»,[38] а в «Притчах», напротив, утверждается, что «родихомся поистине... не к роскошам». Противостоят друг другу «простое русское слово» Тредиаковского и «глубокословная славенщизна» переводных «Притч».

После 1730 года польская поэзия в оригинале или переводе уже выходит за пределы чтения аристократии и интеллигенции. Если в 1735 г. Тредиаковский в «Эпистоле» еще неопределенно высказался о польской поэзии:

Чрез тебя гласит стихом польская спесиво,
Иногда ж весьма умно и весьма учтиво,[39]

то С. Г. Домашнев в 1762 г. просто отказывает ей в праве на существование: «Польский язык не был способен к стихам; и хотя на нем оные и пишут, однако никто себя отменно не оказал».[40] Богатство польской поэзии пришлось заново открывать уже русскому романтизму.

---

[38] Езда в остров Любви. Переведена с французского на российский Василием Тредиаковским. 2-е изд. СПб., 1778, с. 3.

[39] *Тредиаковский В. К.* Избранные произведения. М.; Л., 1963, с. 393.

[40] *Домашнев С. Г.* О стихотворстве. — В кн.: Материалы для истории русской литературы. Изд. П. А. Ефремова. СПб., 1867, с. 189.